

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (27)

Движение в тупик: Россия на юго-западе Сирии

Алексей Хлебников, Российский совет по международным делам (РСМД)

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редакторы:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Тамер Бадави, научный ассистент

Автор

Алексей Хлебников

Алексей Хлебников является независимым консультантом в области стратегических рисков и экспертом по Ближнему Востоку и Северной Африке в Российском совете по международным делам (РСМД). Консультировал различные учреждения и международные, в том числе гуманитарные НПО. Публиковал работы по тематике международных отношений (в частности, по региону Ближнего Востока и Северной Африки) в ряде научных журналов и медиаресурсов России, Европы, США и Ближнего Востока. Имеет степень магистра международной политики, присужденную Школой публичной политики им. Хьюберта Хамфри Университета Миннесоты, а также степени бакалавра и магистра ближневосточных исследований, присвоенные ННГУ имени Н.И. Лобачевского, где также окончил аспирантуру. Являлся участником стипендиальной программы Эдмунда Маски (2012–2014 гг.) в США, научным сотрудником Школы передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса (SAIS) в 2013 г., а также работал по приглашению в Тель-Авивском Университете в 2011 г. На данный момент консультирует различные экспертно-аналитические организации, учреждения и международные НПО на территории Европы, Ближнего Востока, России и США. Область научных интересов автора включает региональные трансформации, конфликты, в том числе внутри регионов, и политика России на Ближнем Востоке.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя или организации автора.

Опубликовано в декабре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

Город и провинция Даръа, расположенные на юго-западе Сирии, известны как «колыбель сирийской революции». Спустя шесть лет после начала сирийского восстания этот регион стал одной из 4-х зон деэскалации, которые Россия установила на территории Сирии путем достижения договоренностей между различными вооруженными группами оппозиции с согласия внешних акторов. Зона деэскалации на юго-западе включает три провинции: Даръа, Эс-Сувейда и Эль-Кунейтра, – чья географическая близость к Израилю стала ключевым фактором, определившим стратегию Москвы в регионе.

Юго-западная зона деэскалации имеет ряд особенностей, отличающих ее от других зон. К ним относится географическое положение, т.е. соседство с Израилем, обусловившее особый, специфический подход России. Вместе с тем стратегия Москвы по работе с группами вооруженной оппозиции в данной зоне во многом напоминала стратегию, применяемую в других зонах деэскалации. Так в чем же специфика российского подхода?

Ключевая роль израильского фактора

С геополитической точки зрения юго-запад Сирии – крайне сложный регион, что связано с его близостью к Израилю. Общая граница с израильской территорией требует выработки особых стратегий обеспечения безопасности, которые смогли бы отвести конфликт от северных границ Израиля. Данный фактор сыграл ключевую роль в формировании осторожного подхода Москвы к разрешению ситуации на юго-западе Сирии.

В отношении северного соседа Израиль больше всего беспокоит постоянное закрепление позиций иранских военизированных и посреднических формирований в Сирии – в особенности в районах, прилегающих к израильской границе на юге страны. В последние несколько лет наращивание иранского присутствия в Сирии приводило к трениям между Москвой и Тель-Авивом. Россия хорошо осознает опасения Израиля и вынуждена удерживать равновесие между Израилем и Ираном во избежание крупной эскалации, способной сорвать планы самой Москвы. В связи с этим Россия стремится учесть потребности обоих партнеров: снизить интенсивность и частоту израильских авиаударов по иранским целям в Сирии в интересах Ирана и удержать силы Тегерана и его союзников от присутствия и участия в действиях на приграничных территориях в интересах Израиля.

Эскалация на сирийско-израильской границе могла бы кардинально поменять позицию Тель-Авива относительно сирийского конфликта, в результате чего поддержка сирийского истеблишмента оказалась бы для Москвы более затратной и затруднительной с дипломатической точки зрения. Правящие круги Тель-Авива расценивают военные кампании, проводимые Дамаском совместно с иранскими силами недалеко от израильских

границ, как угрозу национальной безопасности своей страны и в данной связи особо не разграничивают Сирийскую арабскую армию (САА) и иранские военизированные формирования. Иными словами, любая военная провокация со стороны Ирана вблизи израильской границы воспринимается как попытка испытать границы дозволенного и подразумевает причастность Дамаска, в связи с чем Израиль, предпочитающий стабильный режим Асада, может поменять свое отношение к его смещению. Очевидно, Москва стремится избежать подобного эскалационного сценария, который требует от нее максимума военных и дипломатических усилий. В связи с этим Россия старается не допустить участия Ирана и его посредников в операциях САА на юго-западе Сирии.

Когда в мае 2018 г. Россия, Израиль и Соединенные Штаты Америки [договорились](#) о передаче зоны деэскалации на юге страны в руки сирийского правительства, они предполагали, что Иран и его посредники выведут свои силы из тех районов, где они угрожают безопасности Израиля. Согласно договоренностям, Россия должна была обеспечить вывод иранских войск за пределы 85-километровой приграничной зоны. Однако данное обязательство оказалось невыполнимым, поскольку в данную зону также входит сам Дамаск и город-святыня Сайида Зайнаб, окруженный силами Ирана и его посредников. В результате, по сути, России пришлось выработать такой алгоритм, который помог бы минимизировать иранское присутствие вблизи израильских границ. Соответственно, Москва разместила в приграничных районах свою военную полицию и силы 8-й бригады 5-го корпуса, тем самым сведя к минимуму закрепление позиций верных Ирану формирований. Благодаря этому с течением времени проиранским силам стало труднее вести деятельность на территориях, прилегающих к сирийско-израильской границе.

Кроме того, Россия установила несколько военных наблюдательных пунктов и разместила военную полицию вдоль линии перемирия в районе Голанских высот. Москва также помогла вновь развернуть первую с 2012 г. миротворческую миссию ООН в демилитаризованной зоне Голанских высот, что позволило в некоторой степени восстановить изначально предусмотренную там буферную зону.

Незаменимая роль внешних гарантов

Для того, чтобы установить зону деэскалации на юго-западе, России по ряду причин пришлось вести переговоры с игроками, не входящими в трехсторонний астанинский формат: в частности, с Иорданией, Израилем и США. Во-первых, данная зона граничит и с Израилем, и с Иорданией, а американские военные силы присутствуют в Аммане, что требует привлечения к переговорному процессу и США. Во-вторых, все три страны

поддерживали и снабжали отряды оппозиции на юге Сирии. В-третьих, сговорчивость групп вооруженной оппозиции и их желание вести переговоры с Дамаском и Москвой во многом зависят от позиции их спонсоров. Таким образом, российский план по примирению и установлению контроля сирийского правительства на юго-западе Сирии неосуществим без определенной степени участия Израиля, Иордана и США, которым не составит труда расстроить планы Москвы. Чтобы добиться успеха и по крайней мере какой-то устойчивости, России пришлось вести переговоры со всеми тремя странами, которые выступили в качестве гарантов прекращения огня в юго-западной зоне деэскалации. В итоге России удалось добиться соглашения о примирении между вооруженными группами оппозиции на юго-западе и Дамаском, благодаря согласованному прекращению внешней поддержки данных формирований со стороны США, Израиля, Иордании и Саудовской Аравии, в результате чего группировкам не оставалось ничего иного, кроме как заключить сделку с правительством. В этом и заключается отличие от ситуации, к примеру, в Идлибе, где турецкая поддержка групп вооруженной оппозиции не позволяет России выступить посредником в согласовании перемирия с Дамаском.

Когда российские военные сформировали 5-й корпус, преимущественно состоявший из бывших бойцов вооруженной оппозиции, согласившихся на примирение с Дамаском, на основе вооруженной группировки «Шабаб ас-Сунна», базировавшейся в городе Босра на юго-западе Сирии, была создана 8-я бригада¹. Чтобы сохранить рычаги давления на Дамаск, России пришлось поддерживать и развивать подконтрольные ей военные структуры, состоявшие из бывших бойцов оппозиции, которых можно было использовать для сдерживания давления со стороны сил Асада и военной разведки. Когда Москва запустила процесс перемирия на юго-западе, вооруженные группировки, согласившиеся заключить договор с Дамаском, сдали лишь среднее и тяжелое вооружение.

В результате данные формирования сохранили свой боевые возможности, или, как минимум, по-прежнему могли защищать подконтрольные им территории, создавая при этом противовес структурам САА и проиранским силам в регионе. Так, некоторые части 4-й дивизии Махера Асада (которая, как считают, находится под сильным влиянием Тегерана) также базируются на юго-западе Сирии и вербуют бывших бойцов оппозиции, примирившихся с сирийским правительством². Соответственно, Москва использует

¹ Многие бойцы находятся под протекторатом 8-й бригады, что, с учетом их отказа от полного разоружения и присоединения к САА, еще больше затрудняет положение Дамаска.

² Несмотря на то, что Дамаск подписал соглашения о примирении с вооруженными группировками на юго-западе Сирии (включая «Шабаб ас-Сунна»), правительство не устраивает тот факт, что Россия поддерживает не подчиняющиеся ему нерегулярные военные формирования, а потому пытается убедить Москву включить их в состав 4-й дивизии под руководством Махера Асада (которая также состоит из примирившихся бойцов оппозиции), размещенной на юго-западе страны. Практика показывает, что Махер направляет подобные отряды на бои в Идлиб, надеясь на то, что их там

(наряду с собственной военной полицией) новые нерегулярные военные структуры, которые контролирует на юго-западе страны, в качестве буфера между Израилем и отрядами САА (под руководством Махера), а также военизированными формированиями Ирана и его посредников в регионе. Именно так гарантируется прекращение внешней поддержки военных группировок на юго-западе Сирии в рамках достигнутых договоренностей (между Россией, с одной стороны, и США, Израилем и Иорданией, с другой).

Соглашения о примирении: текущие вызовы

Нестабильная и довольно шаткая с точки зрения безопасности ситуация на юго-западе Сирии не двигается с мертвой точки по ряду причин.

Во-первых, не прекращаются разногласия между пророссийской 8-й бригадой и пропитанной иранским влиянием 4-й дивизией Махера Асада. Это связано в основном с отказом 8-й бригады от полного разоружения (по меркам Дамаска) или же службы в составе САА. Таким образом, неспособность Дамаска инкорпорировать в свою военную структуру и контролировать все военные группировки юго-запада приводит к постоянным столкновениям между отрядами САА и примирившимися формированиями, что лишь усугубляет и без того нестабильную ситуацию.

Во-вторых, судя по всему, Россия не в состоянии создать под своим руководством целостные военные структуры на юго-западе, которые поддерживали бы порядок и стабильность без чрезмерного иранского присутствия и внутренней конфронтации в Сирии.

В-третьих, Дамаск будет продолжать попытки добиться полного разоружения примирившихся военных группировок и их интеграции в структуру САА, что, естественно, приведет к их сопротивлению и обострению непрекращающегося беспорядка.

Единственной реальной альтернативой, которая сработала в других зонах деэскалации (в Восточной Гуте и Хомсе), может стать перемещение подобных вооруженных группировок на северо-запад страны – в Идлиб, однако сами они этого не хотят и настаивают на соблюдении условий соглашения о примирении, согласно которому могут оставаться на юго-западе.

В итоге ситуация на юго-западе страны зашла в тупик. Кроме того, в связи с постоянным ухудшением экономических условий конфликт между САА и согласившимися на

уничтожат. Очевидно, что, находясь под военным контролем России, данные группировки не желают входить в состав 4-й дивизии.

перемирие вооруженными группировками лишь обостряется, а значит, нет причин полагать, что ситуация каким-либо образом разрешится.